

какъ-бы свидѣтельствуя этимъ, въ своемъ родѣ, подвигомъ своимъ, какъ дороги имъ останки любившаго ихъ и любимаго ими при жизни начальника-наставника!

На могилѣ почившаго была отслужена послѣдняя панихида, въ концѣ которой ученикъ VI класса Семинаріи Феодоръ Никаноровъ произнесъ послѣднюю, а по общему счету—третью «Рѣчь».

Р ѣ ч ь .

При жизни ты любилъ, о ректоръ, когда ученики твои приходили къ тебѣ за совѣтомъ, или даже такъ—просто побесѣдовать, такъ позволь же мнѣ и теперь, въ послѣдній разъ поговорить съ тобой и хоть этимъ облегчить сердце свое.

Твоя смерть такъ поразила, такъ взволновала насъ, учениковъ твоихъ, что я затрудняюсь выразить въ словахъ тѣ чувства, которыми полны въ эти минуты наши сердца. Твоя смерть поразила насъ неожиданностью: къ ней мы не были подготовлены и поэтому она особенно тяжела для насъ. Умъ совершенно не хочетъ мириться съ мыслию о твоей кончинѣ,—съ мыслию, что тебя уже больше нѣтъ и не будетъ среди насъ. Но неужели этотъ гробъ заключаетъ въ себѣ все, что многіе изъ насъ, воспитанниковъ твоихъ, такъ высоко цѣнили и уважали въ тебѣ—это твое доброе, разумное, чисто-родительское отношеніе къ нуждамъ близкихъ тебѣ семинаристовъ?

Еще такъ недавно мы видѣли тебя бодрымъ настолько, что въ разговорѣ съ нами ты изъявлялъ полную готовность свою помогать намъ въ достиженіи нашихъ стремленій, насколько это было возможно и отъ тебя зависѣло.

Я какъ сейчасъ слышу твои слова: «Други, повѣрьте мнѣ, вѣдь я искренно люблю васъ! Питайте ко мнѣ больше довѣрія, и жизнь ваша пойдетъ вполне нормально». А теперь ты лежишь въ гробѣ и безмолствуешь!

Смерть помѣшала тебѣ провести въ жизнь нашей семинаріи всѣ тѣ добрыя начала, съ которыми ты вступилъ на свой трудный постъ. Твоя дѣятельность въ семинаріи не могла ознаменоваться какими либо громкими реформами и нововведеніями, (что, конечно, зависѣло отъ общихъ условій времени, касаться которыхъ мы здѣсь не будемъ), такъ что прошла, быть можетъ, незамѣтно для тѣхъ, кто хотѣлъ видѣть въ тебѣ прежде всего ректора-администратора; но тотъ, кто обращался къ тебѣ, какъ къ искренне-доброму человѣку, наставнику и воспитателю за совѣтомъ и наставленіемъ, тотъ всегда находилъ въ тебѣ отзывчивое, чувственное сердце и получалъ чисто-родительскіе совѣты и наставленія. И этого нельзя было не цѣнить: въ такое бурное время, какое выпало на твое ректорство, ты старался зашищать своихъ воспитанниковъ отъ несправедливостей и за-

ботился о томъ, чтобы они мирно и спокойно занимались своимъ прямымъ трудомъ.

Такія качества дороги въ лицѣ начальствующемъ, дороги, и многіе изъ учениковъ успѣли оцѣнить ихъ, не смотря на недолговременность твоего пребыванія въ семинаріи. Да, ты былъ, безъ преувеличенія, добрымъ для семинаристовъ, и хотя мы нерѣдко доставляли тебѣ огорченія, ты, отечески любя насъ, умѣлъ забывать и прощать намъ эти огорченія.

Здѣсь, у твоего гроба, въ послѣдній разъ хотѣлось бы сказать очень многое, но печаль, переполняющая сердце, заграждаетъ уста. Но ты теперь и не нуждаешься въ нашихъ рѣчахъ. Самое важное для тебя теперь—наша молитва, и мы, помня твою любовь къ намъ, будемъ возносить за тебя теплыя молитвы къ престолу Всевышняго.

Прощай на вѣки, дорогой о ректоръ! Намъ, благодарнымъ ученикамъ твоимъ, долго памятна будетъ твоя добрая, любящая душа, твое христіанское смиреніе, по которому ты въ каждомъ воспитанникѣ видѣлъ своего близкаго, родного!

Прощай и прости насъ. Аминь.

Эта, согрѣтая неподдѣльною любовью къ почившему, рѣчь г. Никанорова вызвала у стоявшихъ вокругъ могилы родныхъ и постороннихъ почившему лицъ обильныя слезы, и монастырскій хоръ не сразу могъ начать пѣніе «Со святыми упокой»...

Но вотъ панихида кончилась... Отдавшіе почившему «послѣдній долгъ» верениемъ потянулись съ монастырскаго кладбища въ роцѣ къ выходнымъ воротамъ, Шли молча, съ опущенными головами. На лицахъ у всѣхъ была печаль.

Каждый, подражая евангельскому, стоявшему при крестѣ Спасителя сотнику, думалъ: «воистину онъ былъ *человѣкъ*, какихъ мало»...

В. П. Соколовъ.

По поводу замѣтки «къ отчету по свѣчному заводу за 1904 годъ», помѣщенной въ №№ 24 и 25 Саратовскаго Духовнаго Вѣстника за 1906 годъ.

(Продолженіе).

Что касается счетовъ №№ 2 и 3 недвижимаго и движимаго имущества Комитетъ считаетъ нужнымъ объяснить слѣдующее: 1) остатокъ недвижимаго имущества къ 1905 году показанъ въ суммѣ 51 515 руб. 63 коп. не по увеличенной, а по дѣйствительной стоимости: вѣзданія на свѣчномъ заводѣ показаны по оцѣнкѣ, принятой на страхъ отъ огня Страховыми Обществами, мѣсто подъ заводомъ—по покупной цѣнкѣ (въ дѣйствительности оно въ настоящее время стоитъ много дороже), старо-училищное мѣсто—по примѣру прежнихъ отчетовъ, а